

Цинь Цзюнь промычала что-то в ответ и, увидев, что лекарство уже готово, велела Цзи Сы выпить его.

— Раз тебе нездоровится, я не буду засиживаться. Навещу в другой раз, — сказала Цинь Цзюнь.

Цзи Сы, допив отвар, слегка нахмурилась. Казалось, она хотела что-то сказать, но в конце концов лишь кивнула и проводила Цинь Цзюнь до дверей.

Деньги за выкуп вернулись, да ещё и с излишком — целым состоянием. Вспомнив, что это Цзи Сы передала их, Цинь Цзюнь не знала, плакать или смеяться.

«Неужели она пытается доказать свою преданность?» — всю ночь размышляла Цинь Цзюнь, а наутро спросила у Цзиньсю.

Та нахмурилась:

— Хитрая лиса.

Поскольку Цинь Цзюнь выехала из дворца и гостила в резиденции князя Кана, Цинь Куан, который обычно изо дня в день ходил на занятия в Высшую академию, тоже получил отпуск. Теперь ему достаточно было лишь время от времени сдавать сочинения, а остальное время он отговаривался необходимостью заботиться о сестре. Сокурсники вскоре заподозрили неладное, стали приставать с расспросами, и в конце концов выяснилось — шестая принцесса покинула дворец!

Знатные дамы тут же засыпали резиденцию визитными карточками, желая нанести визит принцессе.

У Цинь Цзюнь голова шла кругом от забот, а из дворца от драгоценной наложницы пришло повеление: принцесса уже двадцать дней как вне дворца, Юаньский съезд на носу, пора возвращаться и готовиться.

— Не принимать! Не возвращаться! — отмахивалась Цинь Цзюнь, разбирая в кабинете Цинь Куана запылившуюся карту гор и рек.

Цинь Куан за последнее время похудел и перестал шататься с бездельниками, несколько дней кряду благонравно просидел дома за книгами. Увидев стопку приглашений, он принялся зачитывать имена:

— Ну, семьи попроще — ладно, но ты и дочерям трёх гунов отказываешь? Гляди, в следующем году, когда пойдёт речь о замужестве, может, породниться придётся.

Цинь Цзюнь подняла голову. «Да когда это уже? — подумала она. — Страна на краю пропасти, а он всё о свадьбах».

— Подождём, пока четвёртый брат княгиню себе найдёт, — сказала она вслух.

Цинь Куан запнулся:

— Я... я, знаешь ли, одиноким быть предпочитаю.

Цинь Цзюнь кивнула. Третий принц уехал на север инспектировать войска, драгоценная наложница заперта в глубине дворца, император день-деньской занят государственными делами. Выходило, во всей резиденции князя Кана, кроме присланной наложницей матроны, не было никого, кто мог бы обуздать Цинь Куана.

Цинь Цзюнь закусил губу, и ей вдруг пришла в голову мысль обзавестись загородной резиденцией. Так можно было бы избежать необходимости видаться с Цинь Бянем и придворными дамами и сосредоточиться на Цзи Сы.

Впрочем... Цинь Бянь вряд ли позволил бы ей выехать из дворца.

В дверях поклонилась Цзиньсю:

— Принцесса, дворцовый паланкин уже ждёт у ворот.

Цинь Куан принялся уговаривать:

— Возвращайся пока. После Юаньского съезда снова приглашу тебя погостить.

— А эту карту можно с собой забрать? — указала Цинь Цзюнь на карту Цинь Куана.

Тот тут же замотал головой:

— Это же отец подарил, чтобы учиться вдохновлялся! Узнает, что я тебе её отдал, — живьём шкуру сдерёт.

Цинь Цзюнь промолчала.

— В Императорском кабинете висит карта «Горы и реки империи», — сказал Цинь Куан. — Хочешь посмотреть — ступай туда.

Цинь Цзюнь пришлось смириться. Она вымыла руки, поправила рукава и платье и отбыла обратно во дворец.

За принцессой прибыл парадный экипаж, запряжённый четырьмя статными конями. Пробравшись сквозь шумные улицы, Цинь Цзюнь приподняла занавеску и заметила, что одежда прохожих стала куда разнообразнее.

— На что вы смотрите, принцесса? — спросила Сяо Тао.

— Юаньский съезд близко, — пробормотала Цинь Цзюнь. — Видать, многие торговые караваны спешат в столицу до его начала. Князя, наверное, уже прибыли.

Сяо Тао высунулась посмотреть, но ничего особенного не заметила.

— В разных краях обычаи разные, — пояснила Цинь Цзюнь. — И говор, и одежда отличаются.

Она обернулась к Цзиньсю и вспомнила, что та служила в армии под началом покойной императрицы и наверняка встречала иноземцев.

— Можешь определить, откуда эти люди?

Цзиньсю удивилась:

— Если принцессе угодно знать, я могу просто сойти и спросить.

Цинь Цзюнь вздохнула. «Какая же бестолковая...» — подумала она. Прежде чем опустить занавеску, она вдруг заметила вдалеке Цзи Сы.

Цинь Цзюнь быстро опустила занавеску и надела шляпу с вуалью.

— Дорогу! — гаркнул кучер, и народ вокруг тут же обернулся.

На улице появился невиданно роскошный экипаж. Спереди, сзади и по бокам его сопровождали два ряда закованных в доспехи воинов, которые чётким строем несли длинные копья.

Народ замер, уступая дорогу.

— Принцесса! — восторженно закричал кто-то, указывая на паланкин.

Экипаж проезжал мимо, и ветер на мгновение приподнял занавеску.

— Принцесса, вы и в экипаже в шляпе? — спросила девушка.

— Угу, — тихо отозвалась она. Белая вуаль на миг мелькнула в просвете, и сквозь тончайшую ткань на Цзи Сы упал чей-то взгляд. Экипаж промчался по оживлённой улице и скрылся у дворцовых ворот.

Цзи Сы слегка прищурилась. В отличие от пришедших в восторг окружающих, ей почудилось, будто человек в экипаже намеренно взглянул на неё. Но сквозь вуаль разглядеть что-либо было невозможно.

Как только кортеж принцессы скрылся из виду, улица вновь оживилась. Многие принялись с жаром обсуждать, зачем редко показывающаяся на людях принцесса Великого Чжоу на сей раз покинула дворец.

— Девушка, — позади Цзи Сы неожиданно возник человек.

Та обернулась и кивнула:

— Дядюшка Ван.

Тот указал в сторону:

— Пойдёмте, девушка. Лекарь, которого для вас нашли, уже ждёт.

Заметив, что Цзи Сы задержала взгляд на оживлённой улице, Дядюшка Ван пояснил:

— Это кортеж принцессы.

— В Цинь-Чжоу всего одна принцесса, — заметила Цзи Сы.

Дядюшка Ван кивнул:

— Шестая принцесса, единственная дочь императора Чжоу, рождённая покойной императрицей.

Они зашагали дальше, и Дядюшка Ван продолжал:

— Любовь императора к дочери известна всем. В тот год, когда Цинь-Чжоу одолела юаньцев и с победой вернулась, в день Нового года вся страна ликовала, а шестая принцесса проехала по Верхней столице в императорском паланкине, принимая приветствия народа. За всю многовековую историю Цинь-Чжоу она была первой.

В том году юной принцессе едва исполнилось девять.

А Цзи Сы в это время переживала самый тяжёлый год своей жизни: спасалась от войны в государстве Цзян, металась в бегах, пока не добралась до Чжоу, где её перепродавали из рук в руки. Когда она наконец достигла Верхней столицы и вступила в Нефритовый терем, пришла весть о победе.

С юга доставили две депеши: одна возвещала о победе, другая — о гибели правителя Цзян. На престол взошёл его младший сын, Цзи Цунь. Одиннадцатилетнему новому императору ныне, в шестнадцать, уже пять лет как доверено судьбами править Поднебесной.

Лицо Цзи Сы оставалось бесстрастным, её прекрасные глаза полуприкрыты, без единой искорки тепла. Почему-то всякий раз, вспоминая те события шестилетней давности, она ощущала в груди тяжкий, нерассеивающийся гнёт — будто глубоко вросла ненависть, но к кому именно, она понять не могла.

Шесть лет назад... Чжоу и юаньцы уже два года вели изнурительную борьбу, истощившую все северные войска. Битва при Ушане должна была стать решающей. Победа — и юаньцы отступят на триста ли к югу от Южного города. Поражение — и Чжоу придётся уступить земли.

К счастью, они победили. Но кто мог знать, что перед самым Юаньским съездом князя, воспользовавшись приездом в столицу, попытаются устроить переворот, в котором погиб наследный принц? Цинь-Чжоу подавила мятежников и вывела шестую принцессу на улицы — отчасти потому, что наследника не стало, отчасти чтобы продемонстрировать мощь государства, выказать пренебрежение к юаньцам и явившимся в столицу князьям, сбить с них спесь.

Цзи Сы склонила голову и тихо усмехнулась:

— Интересно, когда принцесса, символ процветания Великого Чжоу, возлежала на паланкине, который несли сотни людей, и принимала приветствия толпы, мелькала ли у неё в мыслях мысль о власти над всем миром?

Дядюшка Ван обернулся к ней. Голос его звучал хрипло, словно отжившего свой век:

— Пинь-нян, не смей судить о делах правления.

Цзи Сы фыркнула. Взгляд её, подобный ядовитой змее, таящейся в ночи, метнулся вверх:

— В имени шестой принцессы иероглиф «цзюнь» — «правитель». Значение этого всем известно, а император Чжоу всё медлит с назначением наследника. Хорошо ещё, что она женщина... Но что, если бы иначе?

Дядюшка Ван с изумлением уставился на неё:

— Девушка, неужто ты и впрямь помышляешь о завоеваниях?

Цзи Сы опустила глаза и зашагала вниз по ступеням:

— Пойдём.

В Чертоге Ядра Феникса Цинь Цзюнь переделалась и отправилась к драгоценной наложнице Цзи. После кончины императрицы всеми дворцовыми делами ведала драгоценная наложница, а последние два месяца она была поглощена подготовкой к Юаньскому съезду и уже давно отменила утренние приёмы.

Цинь Цзюнь поклонилась у дверей её покоев:

— Ваше высочество.

Драгоценная наложница Цзи, уже извещённая о её прибытии, тут же вышла навстречу:

— Цзюньер, наконец-то вернулась.

Цинь Цзюнь украдкой перевела дух и шагнула вперёд:

— Ваше высочество.

Обиталище драгоценной наложницы звалось Павильоном Величия Феникса. Хотя формального титула императрицы у неё не было, круг её обязанностей уже давно ничем от императорских не отличался. Драгоценная наложница Цзи была старшей дочерью чэнсяна и родила императору Цинь Бяню третьего и четвёртого принцев.

— Ну как, на воле повеселилась? Слышала от четвёртого братца, в резиденции князя Кана тебе было хорошо, — приговаривала драгоценная наложница, похлопывая Цинь Цзюнь по спине и дотошно расспрашивая о еде, одежде и всём прочем. На второй же день после отъезда Цинь Цзюнь она нагрузила целый обоз вещами для резиденции князя Кана, чем не на шутку раздражила Цинь Куана.

Поболтали о том о сём, темы наконец иссякли.

— А третий братец вернулся? — с улыбкой спросила Цинь Цзюнь.

Драгоценная наложница Цзи улыбнулась, лениво похлопывая рукой по грелке:

— Послезавтра как раз будет.

— Вот и славно, что третий братец возвращается, — сказала Цинь Цзюнь. — Вы с ним снова вместе...

<http://bllate.org/book/16274/1465066>